

Из зала ресторана в фойе отеля я вышел по совершенно банальной причине, - выпитый за вечер лимонад, пройдя в организме положенный ему путь, настоятельно просился наружу. Бросив Юле короткое: "отлучусь на секунду", я встал из-за стола и, слегка покачнувшись, направился к выходу. Заветные двери с надписями "Для господ" и "Дамская", находились в отдельной нише чуть дальше по коридору, недалеко от стойки рецепции. Оказавшись на ногах, я с неудовольствием заметил, что все же слегка захмелел от одного-единственного небольшого бокала легкого вина. Бывает такое - пока сидишь за столом, тебе кажется, что ты ни в одном глазу, а как только поднялся и куда-то пошел, то понимаешь, что уже прилично нагрузился. В голове неожиданно приятно зашумело и все поплыло словно в легком тумане, мои движения стали резковаты. Блин, в прошлой жизни я бы этого выпитого бокала попросту никак не заметил, - что он был, что его не было. Издержки Танечкиного тельца давали о себе знать - когда у тебя вес как у котенка и возраст девочки-школьницы, пить нельзя совсем, нисколько. Хорошо, что навыки самоконтроля в любом состоянии у меня остались с прошлой жизни, поэтому проблем, в общем, нет - протрезвею, всего и делов. Но впредь придется соблюдать строгий сухой закон. Никаких тебе, Леха, мужских удовольствий в новом мире не досталось, - думал я, выходя в коридор.

На трех незнакомых офицеров, стоявших у уборной, я поначалу и внимания не обратил. Мало ли, чего они тут делают. Может в гостиницу заселяются или еще что. И даже когда они целенаправленно двинулись мне на перехват, тревожный звоночек не прозвенел. Я был в слишком благодушном настроении, да и алкоголь, наверное, сказывался. Автографов тут брать не принято, но здороваться незнакомые люди на улице иногда ко мне подходили, все же личность я известная.

- Ну-с, подполковник, нажралась, как свинья и позоришь своим скотским видом офицерский мундир? - С глумливой улыбкой сказал, подойдя ко мне почти вплотную, первый из них, в полковничьих погонах.

В первую секунду я даже не врубился в смысл сказанного, настолько все было неожиданно и нелепо. А во вторую активировал орб, собираясь немедленно...

"Стоп Леха. Тебе не кажется странным, что тебя вот так, сходу, оскорбляет человек, которого ты можешь легко убить на месте? Элементарно, голыми руками? Он же не маг, из оружия только шашка в ножнах, орба нет", - эта мысль придержала меня от немедленных действий.

- Что молчишь каналья?! С тобой офицер разговаривает, дрянь! - Этот полковник о премии Дарвина не знал, но, похоже, очень хотел ее получить. Пьяный что ли? Ну да, у одного из этой троицы в руках бутылка коньяка.

- Ты, придурок! - С усилием взял я себя в руки. - Иди, проспись, идиот, пока я тебе голову не оторвала.

- Она меня оскорбила! - Патетически воскликнул полковник, словно дурной актер. - Господа, вы свидетели, мне нанесено прилюдное оскорбление!

- От этой шлюхиной дочки из приюта ничего другого ожидать не приходится, - добавил стоявший рядом с ним штабс-капитан. А потом взял и плюнул мне в лицо. Вот так, запросто, как верблюд в зоопарке. Причем попал, магическая защита не сработала. Поле было по умолчанию отлажено на перехват предметов и заклятий с высокой кинетической или магической энергией, на обыкновенный плевок оно просто никак не отреагировало, не сочтя его угрозой. А вот я не отреагировать уже не смог, сломав все барьеры, ярость мутной волной

ударила в голову, и стало уже наплевать на последствия.

- Раз! - Усиленная магией, моя рука подняла плевавшего вверх, и я с силой швырнул его в дверь мужского туалета, в которую он врезался словно пушечное ядро. Дверь хрустнула от удара и вылетела из петель, провалившись внутрь, а внутри уборной послышался звон стекла. Зачем было вешать зеркала так близко к входу?

- Теперь ты, - нехорошо улыбнувшись своей фирменной улыбкой во все тридцать два зуба, я повернулся к полковнику. - Иди сюда, сука.

Полковник схватился было за шашку, да только без толку, - я был быстрее и попросту оторвал ее вместе с ножнами от его пояса и отбросил в сторону. Затем схватил побледневшего полковника за мундир на груди и с размаха ударил спиной о стенку коридора, выбив из него разом весь воздух.

- Следи! За! Своим! Поганым! Языком! - Раздельно произнес я, сопровождая каждое слово сильнейшей пощечиной, так что голова полковника моталась из стороны в сторону как боксерская груша. Потом бросил его на пол, достал из своего кармана платок, вытер плевки и кинул его комком в окровавленное лицо полковника. Так, Леха, уймись, хватит, убивать их будет все же перебором...

Тем временем третий офицер, в чине поручика, повел себя предельно странно. Вместо того чтобы вмешаться в драку или бежать за помощью он бросил недопитую бутылку коньяка на пол, а потом зачем-то кинулся в сторону и разбил, задев бедром, здоровенную тонкую вазу из поддельного китайского фарфора, украшавшую коридор.

- Я не причем, - быстро выпалил он, когда я, бросив полковника, посмотрел на него в упор. - Не бейте меня, госпожа маг, - фальцетом крикнул поручик и поднял руки вверх, словно я брала его в плен. Надо сказать, это меня остановило - бить его сейчас вроде как было не за что, он меня не оскорблял. Разве что вломить за компанию с остальными?

- Таня, что тут происходит? На тебя напали? - Из-за угла, за которым располагалось фойе со стойкой рецепции, выскочил перепуганный портье и двое моих магов с активированными орбами. Оба поручики из Юлиной эскадрильи, но не бывшие юнкера, а дядьки в приличном возрасте. Ко мне в батальон они попали в числе тех немногих уцелевших после революции магов, которых присоединили к триста второму и, честно говоря, ничем особым не запомнились. Воевали так себе - серединка на половинку, ругать особо не за что, хвалить тоже. Держались немного наособицу от остальных, но это и понятно - разница в возрасте с моими юнкерами сказывалась. И что они тут делали интересно знать, вместо того, чтобы сидеть со всем батальоном в зале ресторана? Почему выскочили только сейчас, и почему активировав орб, я чувствую следы недавнего маскировочного заклятья?

- Эти двое спровоцировали драку, - сделав глубокий вдох и постаравшись успокоиться, ответил я магам, показав рукой на лежащего на полу полковника и торчащие из туалета ноги штабс-капитана. - Позовите срочно Юлю с лебешниками, надо оказать им первую помощь. А ты, корнет, будешь свидетелем произошедшего. Имя и фамилия?

- Степан Линько, корнет второго пехотного полка.

- Ты все видел и слышал?

- Так точно, ваше благородие.

- Кто они такие? Вы подошли вместе...

- Не могу знать, госпожа подполковник. Я познакомился с ними минуту назад, в этой самой гостинице, - вильнул взглядом в сторону корнет.

- Тань, что случилось! - Так, а это уже Пашка вместе с несколькими магами из своего звена нарисовался. Причем в правой руке у него зажата вилка, и все четыре зубца на ней светятся от заклинания рассечения. Жуткое дело - один удар и сразу четыре колотых ранения, такая вилочка войдет в плоть как в растопленное масло. Я почувствовал как вся магическая сеть пришла в движение из-за десятков активируемых в этот момент орбов моих магов, словно батальон готовился вступить в бой. Приехали. Сейчас еще и полиция нарисуеться, объясняйся с ней потом... Вообще-то по законам моего прошлого мира я кругом виноват, - запоздало понял я. - Ударил первым, да еще старшего по званию, гулянка в кабаке тоже хорошо в тему ложится. А то, что я маг, а они нет, так это запишут в отягчающие...

Но, как ни странно, все как-то обошлось...

Полковник и штабс-капитан оказались живы. Не скажу, что здоровы, приложил я их крепко. Но вполне способны к передвижению своим ходом после пары лечебных плетений. Вели себя они сейчас по-другому - тихо, не поднимая на окружающих глаз, умылись, смыли с тела кровь - штабс-капитана порезало разбившимся зеркалом, а полковнику я разбил нос и рассек бровь, и привели в порядок одежду. Разговаривать с кем-либо отказались наотрез.

Прибывший по звонку портье в отель через десяток минут наряд полиции во главе с молодым подпоручиком повел себя на удивление лояльно ко всем. Узнав, между какими персонами произошел конфликт, никакого желания немедленно хватать и тащить кого-то в отделение, полицейский офицер не проявил. Лишь опросил портье и свидетелей из прислуги, которые, однако, мало что могли сказать по существу. Побитые мною подполковник и штабс-капитан назвали полицейскому свои имена и должности - оба они оказались из столичных гвардейцев, но к моему удивлению наотрез отказались сообщать причины конфликта. Я думал, они сокрут что-то, перевалив вину на меня, но нет. Это дело офицерской чести, а не полиции - вот и весь ответ. Претензии пострадавших к госпоже Дергачевой? Нет, никаких гражданских претензий у нас к ней нет, еще раз повторяем, это наше внутренне армейское дело, касающееся вопросов чести. Заявление в полицию? Не будет такого. Отказался от предложения написать на них заявление и я - зачем мне это? Портье, отзвонившись кому-то из хозяев по телефону, сказал, что отель от официальной жалобы из-за испорченного имущества отказывается, но будет неплохо, если господа офицеры возместят его стоимость в частном порядке. Вот и все. Мы расписались под полицейским протоколом об отсутствии официальных претензий и мои битые обидчики ушли восвояси вместе с полицией, оставив меня размышлять, что это такое было. История, конечно, неприятная и вечер гады нам подпортили. Но мало ли бывает в мире неадекватов с погонями и без? Все же разрешилось, не так ли? - думал я. Тогда я еще не знал, как крупно ошибался.

Воскресный день прошел, как ни в чем не бывало, и в понедельник утром я с легким сердцем пошел в училище. Дел особых не было - большая часть магов ушла в отпуск, да и я сам через неделю собирался устроить себе небольшой отдых. Авдотья Павловна и Пашка приглашали в путешествие первым классом на пассажирском пароходе по Волге. На ее берегу где-то в

районе Нижнего Новгорода у семейства Никифоровых была благоустроенная летняя дача в деревне, куда они меня звали вместе собой. Почему бы и нет? Попить кваску, вдоволь накупаться, половить рыбку, покачаться в гамаке с книжечкой в саду на солнышке. А потом можно будет и в Москву рвануть, посмотреть город и достопримечательности. В моем мире мне Москва не нравилась - слишком шумный, многолюдный и испорченный дурным архитектурным новоделом город, а в этом она другая - старая, русская, купеческая. И вообще, что я в этом мире видел? Только приют, Питер и фронт. Я прямо размечтался в своем кабинете, строя планы, когда раздался резкий звонок телефона.

- Подполковник Дергачева слушает.

- Дергачева ты что, вконец охренела? - Вместо "здрости" заорал на том конце провода злобным голосом Ребров. - Как это понимать?!

- Вы о чем, Матвей Филиппович? - глупо спросил я, уже догадываясь, в чем дело.

- О твоей субботней выходке, девочка моя, - яда в голосе генерала хватило бы на целый выводок королевских кобр. - Ты вообще, чем думаешь, головой или...одним местом?! Так, живо, бросай все и пулей лети ко мне.

- Есть!

- Нет, стоп. Лучше я к тебе, жди в кабинете. Кое с кем поговорю и прилечу. Ты и в самом деле не в курсе случившегося?

- Никак нет, ваше благородие, - когда начальство на тебя орет, лучше отвечать коротко и по уставу.

- Так прикажи кому-нибудь сбегать на улицу и купить "Питерский еженедельник". Или "Городской хроникер". Почитай там про себя и свой батальон и подумай, как ты дошла до жизни такой.

Минут через пятнадцать срочно посланный за свежей прессой Пашка был с добычей в моем кабинете. Я раскрыл первую газету - выходивший по понедельничным утратам еженедельник, и вскоре обрел желаемое. Спасибо, хоть не на передовице, а в разделе "светские происшествия и новости". Немаленькую статью под названием "Горькая правда о герое", предваряла моя фотография, хорошо хоть не цветная. Но и так получилось весьма здорово - на снимке Таня стояла с перекошенным от злости лицом в коридоре отеля среди осколков разбитой вазы. На полу валяется бутылка из-под коньяка и лежит закативший глаза вверх полковник. Ну и надпись под фотографией не подкачала: "пьяный дебош подполковника Дергачевой".

Крепко выматерившись сквозь зубы, я углубился в чтение. И оно меня не разочаровало.

Автор статьи явно знал толк в том, как правильно марать людей в грязи. Начиналась все с признания моих безусловных заслуг перед родиной. Вспомнили и спасение государя, и мой поход на Питер, и создание батальона магов, которые великолепно проявили себя во время Суомской компании. "Подполковник Дергачева - безусловный герой", - делал вывод автор. "Но при этом она просто маленькая девочка из сиротского приюта, которую волна событий вознесла так высоко, что у нее закружилась голова от славы и успехов. И можем ли мы, российское общество, ее в этом винить, когда и у гораздо более взрослых и ответственных людей в тяжелых обстоятельствах случались срывы и досадные проступки? Не можем. Но и

закрывать глаза на моральный облик того, кому Россия доверила своих магов, мы тоже не должны".

Дальше морализаторство в статье кончалось, и начиналась откровенная ложь. Без всякой конкретики, с вводными фразами вроде: "ходят слухи, что", "как сообщил редакции надежный источник", "как поведал нам на условиях анонимности один из магов триста второго батальона" на меня выливался поток дурно пахнущей субстанции. Оказывается, я держу обычных магов батальона в атмосфере всеобщего страха перед собой. Еще у меня бывают вспышки неконтролируемой ярости, во время которых я могу наброситься на любого. Периодически у подполковника Дергачевой случаются запои и тогда она вообще не предсказуема. В училище за закрытыми дверями творятся всякие непотребные дела - маги из числа моих любимчиков с моего согласия и при моем участии пьянствуют водку и чуть ли не устраивают оргии с девушками легкого поведения. Сама я, несмотря на юный возраст, живу в одном доме с магом из собственного батальона и это же, наверное, неспроста? И вообще: воспитатели из приюта говорили, что маленькая Таня была с детства хоть и умна, но очень вспыльчива и не всегда адекватна. Поэтому ее даже хотели направить на обследование к психиатру, но, к сожалению, не успели этого сделать.

В общем, размазали меня образцово-показательно. После прочтения статьи я сидел как мешком по голове стукнутый. Такого я не ожидал, скажу откровенно...

"А ведь это твоя школа, Леха", - пробежала неожиданная мысль. "Ты первый использовал прессу как оружие против Носенко. Вот теперь тебе доброжелатели вернули должок с процентами".

Пока я успокаивал Пашку, который после прочтения статьи хотел то ли немедленно лететь кого-то убивать, то ли тотчас собрать всех магов батальона по тревоге и писать коллективное письмо в "спортлото" в мою защиту, доложили о прибытии Реброва.

Генерал к тому времени уже справился с эмоциями и был собран и деловит. Глава спецотдела вошел в кабинет, бросил быстрый взгляд на газеты на моем столе и, сев за стол для совещаний рядом с Пашкой, коротко скомандовал, открыв папку с документами.

- Рассказывай, что случилось в субботу Таня. Все по порядку и очень подробно, не пропуская ни одной детали.

- Хорошо Матвей Филиппович. Без двадцати одиннадцать вечера во время банкета, я захотела пойти в туалет...

- Понятно, - откинулся на спинку кресла Ребров, когда я закончил рассказ. - Подставили тебя красиво, слов нет. Даже не знаю пока, как мы будем из всей этой истории выпутываться. Плохо дело. Очень.

- А что такого страшного случилось? - Нахмурился я. - Неприятно, конечно, но бывает. Напишем опровержение, найдем свидетелей, которые подтвердят, что писаки все выдумали. Переживем, скандалы дело такое...

- Весь батальон подтвердит, что написанное - вранье! - Встрял в разговор Пашка. - Мы это дело так не оставим.

- Вот именно, - согласился с ним я. - Мне больше всего не нравится, что меня подставили свои

же. Эти двое поручиков из Юлиной эскадрильи - Клобич и Ваузе, которые стояли в фойе - они же меня и сфотографировали для газеты. Некому больше. Поставили заклинание маскировки и сделали из-за угла снимок. Если бы я была настороже и активировала орб, я бы их сразу заметила. Но в тот момент мне не до того было... Вот от своих я такого паскудства не ожидала, честно скажу. Как хотите, Матвей Филиппович, а их из батальона надо гнать.

- Нет, Таня, что ты, - тут же перебил меня Пашка. - Не надо их гнать. Я поговорю с ребятами и мне сдастся, что на следующих учениях с ними непременно случится какой-нибудь несчастный случай. Заклятье случайно в спину попадет или в полете о дерево расшибутся. Бывает...

- Смешно вас слушать, - прервал нас Ребров. - Размечтались они... Теперь меня выслушайте. Клобич и Ваузе сегодня рано утром подали рапорта о невозможности в дальнейшем служить под твоим началом, Таня. И, учитывая обстоятельства, эти рапорта будут удовлетворены. Если не мною, то через мою голову. Думаю, вы их больше до суда не увидите. В котором они выступают на стороне обвинения.

- Какого суда? - Удивился я. - У полиции не было ко мне никаких претензий.

- Я имею в виду не гражданский или уголовный суд, - мотнул головой Ребров. - Это дело не его компетенции... Речь идет о суде офицерской чести. Статья в газете это не главная проблема, это так - общественное мнение подготовить. А главная проблема в том, что на тебя гвардии полковник Ивачев и штабс-капитан Калинин подали заявление в главный офицерский суд Питера. Они тебя обвиняют в оскорблении их чести и достоинства, а так же в том, что ты прилюдно запятнала честь офицерского мундира. Довеском идет обвинение в морально-бытовом разложении и поведении, недостойном русского офицера, свидетелями чего выступят Клобич и Ваузе. Всех деталей я еще не знаю, документы только готовятся. Но уже могу сказать, что задумано все серьезно. Например, полковник Ивачев, как я только что навел справки, очень крупно проигрался в карты и был на грани разорения - занимал у всех подряд и никак не мог собрать нужной суммы. А вчера он все свои долги вернул. Думаю, понятно, на какой крючок его поймали, чтобы он согласился участвовать в такой аванюре. Короче, непросто все, недоброжелатели у нас, Таня, на самом высоком уровне. Тебе надо было сразу же мне все рассказать. Сразу же, понимаешь?! А теперь мы потеряли сутки и пытаемся остановить набирающий ход поезд, уже пошли в дело официальные бумажки. Эх... - махнул рукой генерал.

- Ясно, - помрачнел я. - Простите, Матвей Филиппович, я не знал таких тонкостей, думал, если полиция не цепляется, то все уже обошлось. Чем мне все это грозит?

- Как дело повернется, - вздохнул Ребров. - Если обвинения докажут, то тебя вчистую выгонят со службы. Отобрав награды, пенсию и право ношения мундира. Если докажут не все - возможны варианты, но все плохие, скажу откровенно. Ладно, Танюха, не вешай нос раньше времени. Ты у нас как знамя, а за знамя дерутся до последнего. Мы за тебя еще повоюем, у тебя не только враги, но и друзья есть. Только постарайся пока никуда снова не вляпаться.